

Хан Чаён

ТЫ НАЙДЕШЬ
МЕНЯ ТАМ,
ГДЕ ШЕПЧУТ
ВОЛНЫ

Хан Чаён

Ты найдешь меня там, где шепчут волны

<https://litres.ru/74531358>

Аннотация

Шорт-лист конкурса «Когда цветет сакура». С иллюстрациями (до 3-й главы).

Кан Джуон приезжает в маленький прибрежный Хэчхон, сжимая в руке полароидный снимок. На нем — ракушка на песке, чужой почерк на обороте и год жизни, которого он не помнит. Авария забрала у него того, кем он был.

Юн Арум работает в местной библиотеке и в свободное время пишет письма без адресатов и адресов. Она сворачивает их несколько раз, прячет в ракушки и бросает в море. Когда человек, которого она любила, появляется на берегу и смотрит на нее как на незнакомку, она осознает: он думает, что видит ее впервые.

Он чувствует, что потерял что-то важное, но не знает, что именно. Море терпеливо хранит все, что они никак не решаются сказать, и ждет, когда они наконец придут за ответами.

Содержание

Глава 1. Море помнит всех	4
Глава 2. Письмо без адресата	12
Глава 3. Знакомое	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Глава 1. Море помнит всех

— Нет, Хеён-а, скажи ей, что я не приеду. Да, так и передай. Пока.

Кан Джуон сбросил вызов и медленно выдохнул, пытаясь сдержать раздражение, разливающееся в груди.

Автобус ехал, мерно посапывая вместе с задремавшими в пути пассажирами. Джуон, устроившись на заднем ряду, не спал: он вертел в руках небольшой квадратик — полароидный снимок, который не мог выкинуть из головы вот уже несколько недель. Он нашел его в старой сумке. Та все это время лежала на верхней полке — вместе с вещами, что были при нем в день аварии, которая разделила его жизнь на «до» и «после» и унесла с собой память о целом годе жизни... Нелепая случайность, мокрый асфальт и спешащий со всех сил водитель фуры — три причины того, почему Джуон ехал на автобусе, хотя умел водить. После аварии, хоть и произошедшей не по его вине, он решил навсегда оставаться пассажиром.

Джуон еще раз взглянул на фото. Он не помнил, где и когда сделал это фото, как не помнил практически весь прошлый год. Но почему-то стоило ему бросить лишь один взгляд на запечатленную на нем ракушку, немного занесенную песком, — и в его груди вздрагивало что-то, что до этого молчало. Каждый раз, глядя на эту фотографию, он чув-

ствовал глубокую, необъяснимую тоску — то ли по этой ракушке, то ли по морскому побережью, то ли по самому себе.

Джуон перевел взгляд к пролетающему за окном пейзажу. Ему, привыкшему к шумным, неоновым улицам Сеула, было непривычно видеть такое спокойствие. За стеклом медленно проплывали холмы, покрытые бледно-зеленой весенней травой, будто мхом, а чуть дальше за ними виднелись редкие низкие дома с черепичными крышами. Близился золотой час, и теплый мягкий свет подчеркивал пастельные природные краски. Джуон снял заглушку с объектива фотоаппарата, висевшего на его шее, и сделал снимок прямо через стекло. В этот момент он увидел, как вдалеке сверкнула серо-голубая, как выцветшая фотография, полоса воды.

Он взглянул на получившийся снимок: не шедевр, но сохранить можно. На шедевр он, и впрочем, и не рассчитывал. По крайней мере, точно не в первый день.

Он вновь скользнул взглядом по салону. Пожилая женщина, сидя у окна, дремала, обнимая сумку. Через проход от нее — подросток, один из немногих пассажиров, кто, как и Джуон, не спал, а то и дело поправлял огромные наушники, норовящие соскользнуть. Почему-то все вокруг — казалось бы, вполне обыденное и ничем не примечательное — вызывало у Джуона странное чувство узнавания, будто он уже не в первый раз ехал в этом автобусе с этими же попутчиками. Он нахмурился. Может, ему просто вспомнилась дорога к Центральному университету? Но городской сеульский

транспорт совсем другой...

Телефон коротко завибрировал, и Джуон раздраженно выдохнул. Он не стал отвечать. Закрыв глаза, прислонился виском к стеклу, слегка запотевшему из-за того, что ранним утром снаружи было значительно холоднее, чем внутри. На секунду он позволил себе ни о чем не думать. Даже не глядя на экран, он знал: это Хеён в который раз спрашивает, зачем он «снова уехал в эту глушь». Он был уверен: она делает это не потому, что ей действительно интересно, а потому, что их родители уже отчаялись добиться от него хоть одного прямого ответа. После аварии он стал сторониться даже близких, все думали, что однажды это пройдет, и в какой-то момент просто перестали докучать ему вопросами. Но правда была в том, что у Джуона просто не было на них подходящих ответов. Он помнил, как зовут родителей и на какой улице они живут, помнил, как встречал сестру после концерта ее любимой группы — но не помнил, что делал в прошлом году, откуда в галерее его работ этот снимок с ракушкой и по чему так тоскует его сердце. Сестра случайно написала «снова»: на обороте фотографии была короткая, сделанная явно не его рукой, подпись с названием небольшой прибрежной деревушки, в которую нужно было добираться сначала поездом, а потом — на автобусе или автомобиле. Ничего особенного. Но чем дольше он смотрел на снимок, тем почему-то труднее было отвести взгляд.

Глядя на него, Джуон чувствовал, что в тот момент хотел

запечатлеть: спокойствие, трепет, влажный соленый воздух и... что-то еще, чего он так и не смог вспомнить. Именно поэтому он решил снова отправиться сюда.

Джуон вдохнул — пахло металлом, пластиком и чем-то кислым. В этот момент автобус резко затормозил, и Джуон по инерции откинулся на спинку кресла, недовольно сморщившись. Он услышал, как кто-то захлопнул сумку. В проходе зашуршали пакеты, кто-то зевнул. В эту секунду он понял: приехал.

Его встречал сонный, только-только проснувшийся Хэчхон — место, где соединялись море и река, суша и вода, прошлое и настоящее.

Выходя из автобуса, он улыбнулся водителю и, почтительно склонив голову, уточнил:

— Не подскажите, есть ли здесь отель? — и сам осознал, насколько странно это выглядит. Разве кто-то отправляется в путешествие, не узнав информацию заранее?

Водитель на секунду задумался, и Джуон на миг похолодел, но потом усмехнулся и добродушно махнул рукой в сторону побережья:

— Зачем тебе отель? Здесь даже банкомат-то и то всего месяц назад как поставили. Но Бомсик самчон* иногда сдает свободную комнату тем, кто хочет задержаться больше, чем на один день. Обычно-то сюда только к родственникам приезжают, или так, на два-три часика. А Бомсик самчон живет в рыбацкой лачуге, почти у самого берега.

Джуон вновь почтительно кивнул и двинулся в указанном направлении, то и дело поправляя лямку рюкзака, постоянно спадающую с плеча.

Солнце постепенно поднималось, и его лучи отражались на крышах, как блестящие рыбешки. По пути Джуон заметил табличку с выцветшей на солнце надписью «Сувениры бабушки Чон». Сам магазин был закрыт и, может, уже давно не работал, но Джуон, не сумев подавить любопытство, все же заглянул в витрину. Его взгляд сам собой упал на небольшую, примерно с детскую ладонь, ракушку, из которой торчал обрывок тетрадного листа. Джуон, подчиняясь какому-то внезапному порыву, спешно достал снимок и поднес его к витрине, сравнивая.

Ракушка была другая. Почти такая же, но все же... Отличался размер и оттенок перламутра. А еще на той, в витрине в витрине был небольшой скол слева вверху, а ракушка на фото Джуона была идеальной формы.

Вдыхая соленый воздух, он на секунду прикрыл глаза, пытаясь понять, что именно его сюда привело, но воспоминания не желали являться на его зов. Запах был знакомым, немного обжигал нос, но мало ли моря повидал он за всю свою жизнь? Они часто ездили на Чэджу с семьей, и, хоть там было больше людей и зелени, воздух был практически таким же. Здесь же, в Хэчхоне, была совсем другая атмосфера: берега пустовали, прибрежная линия была шире, хоть иногда камни подступали к самой воде, но все же мелкого светло-

го песка было больше. И, что нравилось Джуону, его вид не портили следы.

Его размышления прервал тихий, слегка шуршащий, как будто ветер перекатывал сухие мелкие камни на дороге, голос:

— Что, автобусный опять направил? — Джуон моргнул, и увидел, что на крыльце хижины, до которой он сам не заметил, как уже дошел, сидел мужчина лет шестидесяти — крепкий, с сухим, обветренным и загорелым лицом и такими рельефными руками, что, казалось, они были вырезаны из дерева. Он жевал травинку и, щурясь от солнца, светившего со стороны моря прямо в его глаза, смотрел на Джуона.

— Гляжу, ты с фотоаппаратом, — выбросив травинку и причмокнув, заметил он, — Значит, не за рыбой. Зачем пожаловал?

Джуон почтительно поклонился:

— Мне сказали, что у вас можно остановиться. Ненадолго. Я... — Джуон замолчал, не зная, как сформулировать, зачем он здесь. Пытается вспомнить, кем он был? Прозвучало бы странно, хоть и было правдой

Бомсик медленно поднялся, вновь оглядев Джуона с головы до ног. Как Джуон ни вглядывался в его лицо, он так и не смог понять, что значило его выражение: недоверие, насмешку или презрение? «Странно, — подумал он, — Если у него есть причины подозрительно относиться к незнакомцам, значит, он явно что-то скрывает». В этот момент Джуон

подумал, что доверять рекомендации незнакомого водителя автобуса все-таки было не лучшей идеей. «Следовало поступить как все нормальные и сначала поискать информацию в интернете, а не ехать, не зная куда и зачем,» — растерянно подумал Джуон, пока рыбак молчал, что-то обдумывая. Но наконец он ответил:

— Понимаю. Захаживают иногда такие, как ты. Один, вон, крабов ловить пытался, так в итоге сам к ним и грохнулся с пирса... Комната есть. Не отель, конечно. Крыша не течет, чайник кипит, а если надо что-то еще — тут уж сам постарайся. Я Хан Бомсик, но все зовут меня самчон, будто я им и вправду дядюшка.

Он повернулся, прошел к двери, отворил ее и, указывая рукой внутрь, мимоходом бросил:

— Как тебя зовут? Ты здесь уже бывал?

Джуон на секунду замер. Второй вопрос показался ему странным.

— Кан Джуон. Нет... — Он на миг запнулся и нервно сглотнул, — Не думаю, — добавив, Джуон понял, что это были более правильные слова. Он не мог быть уверен, что действительно не был здесь, ведь откуда-то в его вещах была фотография, подписанная названием этого города. Рыбак не выглядел как человек, которому можно безнаказанно врать, поэтому Джуон решил не говорить откровенной лжи, хоть правды не знал и сам.

Бомсик внимательно оглядел его и медленно произнес:

— Не думаешь — и ладно. Море помнит всех, Кан Джуон-си, — а затем, помолчав секунду, добавил, — У тебя знакомое лицо.

Джуон разулся на пороге, сделал шаг внутрь и вдруг ощутил дежавю. «Будто я уже был здесь... И не просто был, а обронил что-то важное».

* — С корейского — дядюшка.

Глава 2. Письмо без адресата

«Если мыслей становится так много, что не можешь даже вдохнуть, — ныряй глубже. На дне тебя всегда встретит тишина».

Ранним утром, когда воздух уже начал пахнуть весной, но еще не успел прогреться, Юн Арум уже сидела в читальном зале библиотеки и смотрела на одну из записок, размещенных в экспозиции. Там было всего несколько десятков ракушек разных форм и размеров, и от тех, что можно было найти на берегу, их отличали только короткие послания, которые Арум бережно формулировала и оставляла между перламутровых створок.

Эта записка была одной из первых, что она написала. Она тогда даже не успела подумать, зачем это делает — просто хотелось сохранить память о маме, которая часто повторяла Арум эти слова... Она бережно взяла ракушку в ладони и поглубже протолкнула записку, чтобы буквы скрылись в тени, а затем грустно улыбнулась: все-таки, быть дочерью хэнь — значит расти с постоянным ощущением, что суша — это лишь временное пристанище перед тем, как вновь уйти домой, под воду.

Смерть матери только сильнее убедила Арум в правильности этих мыслей. Она ласково провела подушечкой большого пальца по рельефным выступам ракушки, вспоминая,

как мамины мраморные пальцы делали то же самое...

— Юн Арум-си! — в тишине еще не открывшейся библиотеки раздался резкий крик, а сразу же за ним послышались спешные шаркающие шаги, — Опять прохлаждаешься вместо того, чтобы работать? Я для чего тебе разрешила выставить свои поделки читальном зале? Чтобы ты только ими и занималась?

Не прошло и нескольких секунд, как перед Арум уже появилась грозная невысокая женщина, исподлобья глядящая на экспозицию. Арум стушевалась:

— Простите, Чан Сонхи-си, я сейчас...

Женщина поджала тонкие губы:

— Что ты сейчас? Я уже все сделала, пока ты опять рассматривала свои драгоценные штучки, — Чан Сонхи оглядела Арум с ног до головы, задержала взгляд на ракушке, которую она сжимала в руках, и девушке показалось, что в эту секунду гнев старшей коллеги вдруг смягчился, — Иди лучше, поставь чайник. Посетителей еще несколько часов не будет.

Юн Арум мелко кивнула, положила ракушку на место, и направилась в подсобное помещение, стараясь смотреть строго перед собой. Ужасно хотелось упереть взгляд в пол, но Чан Сонхи ненавидела, когда она так делала, могла даже легонько стукнуть ладонью между лопаток, чтобы Арум выпрямилась. «Ты молодая девушка, лицо библиотеки! Что подумают посетители, увидев, как ты здесь снуешь, грустно

сгорбившись, будто квищин*?» — повторяла Чан Сонхи, и у Арум не хватало смелости ответить то, что она на самом деле думала. «Если бы в нашей библиотеке поселился квищин, это бы только привлекло в нее людей. Уж точно больше, чем их привлекают книги». Но при Чан Сонхи таких слов произносить было нельзя. Если бы ей хоть на секунду показалось, что кто-то недостаточно уважает библиотеку... Беды не миновать.

Арум налила воды в чайник и щелкнула выключателем. Не прошло и нескольких секунд, как он зашипел, а из носика тонкой струйкой начал подниматься пар. Арум поднесла к нему пальцы, заледеневшие от холода, стоящего в библиотеке. Не потому, что Чан Сонхи сэкономила на отоплении, а для того чтобы климат был наиболее подходящим для книг, конечно же... Задумавшись об этом, Арум потеряла счет времени и вздрогнула, когда чайник коротко пропищал и выключился.

— Госпожа Чан! — прокричала она, высунув голову за дверь, — У нас остались нокча** и мемил-ча***, вам какой заварить?

Она услышала в ответ лишь нечленораздельное бормотание, за которым последовали шаги, становящиеся все громче с каждой секундой. Сама Арум больше всего любила юджа-ча****, но у них постоянно заканчивались апельсины и лимоны, а напрягать госпожу Чан излишними просьбами не хотелось.

Так, за чаем и неспешными разговорами о том, как лучше усовершенствовать каталожную систему библиотеки, и прошла большая часть рабочего дня. Ближе к трем часам дня Чан Сонхи, как всегда, стала собираться, а Арум принялась приводить в порядок полки. Она приходила рано и уходила позже госпожи Чан, но за это та позволяла ей заниматься своими делами и закрывала глаза на то, насколько сильно Арум порой погружалась в свои письма и ракушки. Обе понимали: постоянных читателей у библиотеки так мало, что даже реши они все вдруг прийти в одно и то же время, даже одна Арум сможет их обслужить без каких-либо проблем.

После большой уборки Арум села за свой рабочий стол, достала тонкий лист писчей бумаги и, почти не раздумывая, вывела на нем несколько очень мелких букв:

«Прошло больше года, и я почти не думаю о тебе. Но, закрывая глаза, понимаю: я все еще жду тебя на берегу».

Ее пульс участился, а сердце начало стучать сначала в висках, потом в шее, а потом словно и в самих пальцах. Ей даже показалось, будто с каждой начертанной буквой оно потихоньку вселялось и в саму ручку, а вместо чернил на бумаге оставалась ее собственная кровь.

Закончив фразу, она коротко выдохнула и по привычке задержала дыхание, не ожидая таких слов от самой себя. Приложила одну ладонь к губам, а другой нервно сжала подол атласного светло-сиреневого платья. Арум прекрасно поняла, для кого она написала это послание... и оно заслу-

живало самой надежной, почти зарытой ракушки.

Не в силах прогнать эти мысли из головы, Арум набрала побольше воздуха в легкие и принялась заполнять листок теми же словами, на этот раз быстро, не стараясь, но все так же мелко. Спустя час он весь был мелко исписан одной и той же фразой.

Арум спешно сложила его в несколько раз, а затем открыла ящик рабочего стола в поисках подходящей ракушки. Она перебрала их одну за одной: эта — слишком яркая и заметная, та — слишком раскрытая, вон та — треснувшая... Ни одна из них не подходила этому посланию.

«Кажется, лучше сходить к морю и поискать подходящую там...» — подумала Арум и, поджав губы, кивнула самой себе, — «Да, заодно отправлю его сразу в море. Нельзя его тут оставлять».

Она бросила короткий взгляд на настенные часы: было уже почти шесть вечера, рабочий день уже час как кончился. Сжав послание в кулаке, она погасила везде свет, выключила удлинитель для техники и заперла дверь в подсобное помещение. Затем еще раз окинула взглядом библиотеку: в сумеречном вечернем свете, пробивающемся сквозь тусклые стекла, библиотека выглядела таинственно-притягательно. Цвета были мягче, пыль не кружилась в лучиках света, как днем, и из-за этого, кажется, даже дышать было чуть полегче... Смущенно улыбнувшись своим мыслям, Арум мягко прикрыла входную дверь библиотеки и заперла ее, а клю-

чи спешно сунула в карман кардигана.

На улице уже было прохладно, и Арум слегка запахла кардиган на груди. До берега можно было добраться двумя путями: спуститься по главной улице и выйти к небольшому участку облагороженной набережной или пройти немного по параллельной улице, а затем — вниз по камням. Второй путь был сложнее и чуть дольше, но позволял сразу оказаться на диком пляже, где не убирали берег, а, значит, шанс найти ракушки был выше. К тому же, там почти никогда не было людей, а Арум как раз не хотелось ни с кем разговаривать.

На протяжении всего этого пути она думала только об одном: почему та случайная прошлогодня встреча так до сих пор не выходит у нее из головы? Да, они сблизилась и в какой-то момент Арум даже посмела понадеяться на то, что их общение перерастет в нечто большее, но ведь такие истории случались сплошь и рядом. В романах, которые она читала, героини забывали о несчастной влюбленности спустя месяц, максимум два... В дорамах — всегда встречали кого-то, кто бы еще лучше, умнее, красивее... Почему же сердце Арум продолжало тосковать о нем, хоть и едва его знало? Почему, стоя на берегу, она украдкой от себя самой пыталась увидеть где-то за камнями до боли знакомый силуэт? Разве те несколько недель, проведенные вместе, могли так сильно затронуть душу?..

Глаза предательски защипало, и Арум задержала дыхание, чтобы не разрыдаться. В море достаточно соли и без ее

слез.

Она пошла вдоль берега, рассматривая поблескивающие в тусклом сумеречном свете ракушки на песке, и быстро нашла подходящую: большую, с половину ее ладони, слегка закрученную, перламутровую сверху и сиренево-розоватую внизу. Вложив в едва приоткрытую щель свое послание, Арум, недолго думая, сразу бросила ракушку в море. Далеко она не улетела.

В ту же секунду она услышала тихий знакомый щелчок и резко обернулась. На камнях, прислонившись спиной к дереву, стоял Кан Джуон, мелко размахивая полароидным снимком. Арум почувствовала, как ее сердце пропустило удар, и устояла на него, не мигая. Заметив, что она смотрит на него, тот прокричал:

— Простите, агасси! Это был отличный кадр, не смог удержаться. Если хотите, отдам вам снимок!

Растерявшись, она лишь мелко покачала головой. В этот момент Арум окончательно поняла: он ее не узнал. Или сделал вид, что не узнал. А она и не думала, что делать вид, будто она встречает его впервые, будет так сложно... И поэтому, не дав себе ни секунды для размышлений, развернулась и быстрым шагом ушла.

* Квишин — в корейской мифологии призрак или двух умершего.

** Нокча — зеленый чай.

*** Мемил-ча — гречишный чай.

**** Юджа-ча — цитрусовый чай.

Глава 3. Знакомое

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.